

А. Г. Горюнов

Василий Андреевич Жуковский

Война мышей и лягушек

Собираясь переложить на русский язык древнегреческую пародию на «Илиаду» - поэму «Батрахомиамахия» («Война мышей и лягушек»), Вас. Жуковский написал предысторию этой войны, о мирной поначалу беседе царя лягушек с царевичем мышей.

**Василий Андреевич
Жуковский
Война мышей и лягушек**

(Отрывок из неоконченной повести)

Слушайте: я расскажу вам, друзья, про мышей и лягушек.

Сказка ложь, а песня быль, говорят нам; но в этой

Сказке моей найдется и правда.

Милости ж просим

Тех, кто охотник в досужный часок пошутить, посмеяться,

Сказки послушать; а тех, кто любит смотреть исподлобья,

Всякую шутку считая за грех, мы просим покорно

К нам не ходить и дома сидеть да высиживать скуку.

Было прекрасное майское утро.

Квакун двадесятый,

Царь знаменитой породы, властитель ближней трясины,

Вышел из мокрой столицы своей, окруженный блестящей

Свитой придворных. Вприпрыжку они взобрались на пригорок,

Сочной травой покрытый, и там, на кочке усевшись,

Царь приказал из толпы его окружавших почетных

Стражей вызвать бойцов, чтоб
его, царя, забавляли
Боем кулачным. Вышли бойцы;
началось; уж много
Было лягушечьих морд царю в уго-
ждение разбито;
Царь хохотал; от смеха придвор-
ная квакала свита
Вслед за его величеством; солнце
взошло уж на полдень.
Вдруг из кустов молодец в пре-
красной беленькой шубке,
С тоненьким хвостиком, ост-
рым, как стрелка, на тоненьких
ножках
Выскочил; следом за ним четыре
таких же, но в шубах
Дымного цвета. Рысцой они под-
бежали к болоту.
Белая шубка, носик в болото
уткнув и поднявши
Правую ножку, начал воду тя-
нуть, и, казалось,
Был для него тот напиток при-
ятнее меда; головку
Часто он вверх подымал, и вода с
усастого рыльца
Мелким бисером падала; вдоволь

напившись и лапкой
Рыльце обтерши, сказал он: «Ка-
кое раздолье студеной
Выпить воды, утомившись от
зноя! Теперь понимаю
То, что чувствовал Дарий, когда
он, в бегстве из мутной
Лужи напившись, сказал: я не
знаю вкуснее напитка!»
Эти слова одна из лягушек под-
слушала; тотчас
Скачет она с донесеньем к царю:
из леса-де вышли
Пять каких-то зверков, с усами
турецкими, уши
Длинные, хвостики острые, лапки
как руки; в осоку
Все они побежали и царскую воду
в болоте
Пьют. А кто и откуда они, неиз-
вестно. С десятком
Стражей Квакун посылает хорун-
жего Пышку проведать,
Кто незваные гости; когда непри-
ятели - взять их,
Если дадутся; когда же соседи,
пришедшие с миром, -
Дружески их пригласить к царю

на беседу. Сошедши
Пышка с холма и увидя гостей, в
минуту узнал их:
«Это мыши, неважное дело! Но
мне не случилось
Белых меж ними видать, и это
мне чудно. Смотрите ж, -
Спутникам тут он сказал, - нико-
го не обидеть. Я с ними
Сам на словах объяснюся. Увидим,
что скажет мне белый».
Белый меж тем с удивленьем ве-
ликим смотрел, приподнявши
Уши, на скачущих прямо к нему с
пригорка лягушек;
Слуги его хотели бежать, но он
удержал их,
Выступил бодро вперед и ждал
скакунов; и как скоро
Пышка с своими к болоту прибли-
зился: «Здравствуй, почтенный
Воин, - сказал он ему, - прошу не
взыскать, что без спросу
Вашей воды напился я; мы все от
охоты устали;
В это же время здесь никого не
нашлось; благодарны
Очень мы вам за прекрасный на-

питок; и сами готовы
Равным добром за ваше добро за-
платить; благодарность
Есть добродетель возвышенных
душ». Удивленный такую
Умною речью, ответствовал
Пышка: «Милости просим
К нам, благородные гости; наш
царь, о прибытии вашем
Сведав, весьма любопытен
узнать: откуда вы родом,
Кто вы и как вас зовут. Я послан
сюда пригласить вас
С ним на беседу. Рады мы очень,
что вам показалась
Наша по вкусу вода; а платы не
требуем: воду
Создал господь для всех на потре-
бу, как воздух и солнце».
Белая шубка учтиво ответство-
вал: «Царская воля
Будет исполнена; рад я к его вели-
честву с вами
Вместе пойти, но только сухим
путем, не водою;
Плавать я не умею; я царский сын
и наследник
Царства мышиноного». В это мгно-

венье, спустившись с пригорка,
Царь Квакун со свитой своей при-
ближался. Царевич
Белая шубка, увидя царя с такою
толпою,
Несколько струсил, ибо не ведал,
доброе ль, злое ль
Было у них на уме. Квакун отли-
чался зеленым
Платьем, глаза навывкат сверка-
ли, как звезды, и пузом
Громко он, прядая, шлепал. Царе-
вич Белая шубка,
Вспомнивши, кто он, робость
свою победил. Величаво
Он поклонился царю Квакуну. А
царь, благосклонно
Лапку подавши ему, сказал: «Лю-
безному гостю
Очень мы рады; садись, отдохни;
ты из дальнего, верно,
Края, ибо до сих пор тебя нам ви-
дать не случилось».
Белая шубка, царю поклоняся
опять, на зеленой
Травке уселся с ним рядом; а царь
продолжал: «Расскажи нам,
Кто ты? кто твой отец? кто

мать? и откуда пришел к нам?
Здесь мы тебя угостим друже-
любно, когда, не таясь,
Правду всю скажешь: я царь и
много имею богатства;
Будет нам сладко почтить доро-
гого гостя дарами».

«Нет никакой мне причины, - от-
ветствовал Белая шубка, -
Царь-государь, утаивать истину.
Сам я породы
Царской, весьма на земле знаме-
нитой; отец мой из дома
Древних воинственных Бубликов,
царь Долгохвост Иринарий
Третий; владеет пятью чердака-
ми, наследием славных
Предков, но область свою он сам
расширил войнами:
Три подполья, один амбар и две
трети ветчинни
Он покори́л, победивши соседних
царей; а в супруги
Взявши царевну Прасковью-Писку-
ню Белую шкурку,
Целый овин получил он за нею в
приданое. В свете
Нет подобного царства. Я сын ца-

ря Долгохвоста,
Петр Долгохвост, по прозванию
Хват. Был я воспитан
В нашем столичном подполье
премудрым Онуфрием-крысой.
Мастер я рыться в муке, тас-
кать орехи; вскребаюсь
В сыр и множество книг уж из-
грыз, любя просвещение.
Хватом же прозван я вот за ка-
кое смелое дело:
Раз случилось, что множество
нас, молодых мышенятки,
Бегало по полю взапуски; я как
шальной, разадорясь,
Вспрыгнул с разбегу на льва, от-
дыхавшего в поле, и в пышной
Гриве запутался; лев проснулся и
лапой огромной
Стиснул меня; я подумал, что бу-
ду раздавлен, как мошка.
С духом собравшись, я высунул нос
из-под лапы;
„Лев-государь, - ему я сказал, - мне
и в мысль не входило
Милость твою оскорбить; поща-
ди, не губи; не ровен час,
Сам я тебе пригожуся“. Лев улыб-

нулся (конечно,
Он уж покушать успел) и сказал
мне: „Ты, вижу, забавник.
Льву услужить ты задумал. Доб-
ро, мы посмотрим, какую
Милость окажешь ты нам? Сту-
пай“. Тогда он раздвинул
Лапу; а я давай бог ноги; по вот
что отучилось:
Дня не прошло, как все мы испуга-
ны были в подпольях
Наших львиным рыканьем: сму-
тилась, как будто от бури
Вся сторона; я не струсил; выбе-
жал в поле и что же
В поле увидел? Царь Лев, запутав-
шись в крепких тенетах,
Мечется, бьется как бешеный;
кровью глаза налилися,
Лапами рвет он веревки, зубами
грызет их, и было
Все то напрасно; лишь боле себя
он запутывал. „Видишь
Лев-государь, - сказал я ему, - что
и я пригодился.
Будь спокоен: в минуту тебя мы
избавим“. И тотчас
Созвал я дюжину ловких мышат;

принялись мы работать
Зубом; узлы перегрызли тенет, и
Лев распутлялся.
Важно кивнув головою косматой
и нас допустивши
К царской лапе своей, он гриву рас-
правил, ударил
Сильным хвостом по бедрам и в
три прыжка очутился
В ближнем лесу, где вмиг и про-
пал. По этому делу
прозван я Хватом, и славу свою
поддержать я стараюсь;
Страшного нет для меня ничего;
я знаю, что смелым
Бог владеет. Но должно, однако,
признаться, что всюду
Здесь мы встречаем опасность;
так бог уж землю устроил:
Все здесь воюет: с травкою Овца, с
Овцою голодный
Волк, Собака с Волком, с Собакою
Медведь, а с Медведем
Лев; Человек же и Льва, и Медведя,
и всех побеждает.
Так и у нас, отважных Мышей,
есть много опасных,
Сильных гонителей: Совы, Ла-

сточки, Кошки, а всех их
Злее козни людские. И тяжело под-
час нам приходится.

Я однако, спокоен; я помню, что
мне мой наставник
Мудрый, крыса Онуфрий, твердил:
беды нас смиренью
Учат. С верой такою ничто не бе-
да. Я доволен

Тем, что имею: счастью рад, а в
несчастье не хмурюсь».

Царь Квакун со вниманием слу-
шал Петра Долгохвоста.

«Гость дорогой, - сказал он ему, -
признаюсь откровенно:

Столь разумные речи меня в
изумленье приводят.

Мудрость такая в такие цветущие
лета! Мне сладко

Слушать тебя: и приятность и
польза! Теперь опиши мне

То, что случилось когда с мышши-
ным вашим народом,

Что от врагов вы терпели и с кем
когда воевали».

«Должен я прежде о том расска-
зать, какие нам козни

Строит наш хитрый двуногий

злодей, Человек. Он ужасно
Жаден; он хочет всю землю загра-
бить один и с Мышами
В вечной вражде. Не исчислить
всех выдумок хитрых, какими
Наше он племя избыть замышля-
ет. Вот, например, он
Домик затеял построить: два
входа, широкий и узкий;
Узкий заделан решеткой, широкий
с подъемною дверью.
Домик он этот поставил у само-
го входа в подполье.
Нам же сдуру на мысли взбрело,
что, поладить
С нами желая, для нас учредил он
гостиницу. Жирный
Кус ветчины там висел и манил
нас; вот целый десяток
Смелых охотников вызвались в
домик забраться, без платы
В нем отобедать и верные вести
принести нам.
Входят они, но только что нача-
ли дружно висячий
Кус ветчины тормошить, как
подъемная дверь с превеликим
Стуком упала и всех их захлопну-

ла. Тут поразило
Страшное зрелище нас: увидели
мы, как злодеи
Наших героев таскали за хвост и
в воду бросали.
Все они пали жертвой любви к
ветчине и к отчизне.
Было нечто и хуже. Двуногий зло-
дей наготовил
Множество вкусных для нас пи-
рожков и расклад их,
Словно как добрый, по всем зако-
улкам; народ наш
Очень доверчив и ветрен; мы ла-
комки; бросилась жадно
Вся молодежь на добычу. Но что
же случилось? Об этом
Вспомнить - мороз подирает по
коже! Открылся в подполье
Мор: отравой злодей угостил нас.
Как будто шальные
С пиру пришли удальцы: глаза на-
выкат, разинув
Рты, умирая от жажды, взад и
вперед пот подполью
Бегали с писком они, родных, дру-
зей и знакомых
Боле не зная в лицо; наконец, уто-

мясь, обессилев,
Все попадали мертвые лапками
вверх; запустела
Целая область от этой беды; от
ужасного смрада
Трупов ушли мы в другое подпо-
лье, и край наш роимый
Надолго был обезмышен. Но глав-
ное бедствие наше
Ныне в том, что губитель двуно-
гий крепко сдружился,
Нам ко вреду, с сибирским котом,
Федотом Мурлыкой.
Кошачий род давно враждует с
мышинным. Но этот
Хитрый котище Федот Мурлыка
для нас наказанье
Божие. Вот как я с ним познако-
мился. Глупым мышонком
Был я еще и не знал ничего. И мне
захотелось
Высунуть нос из подполья. Но
мать-царица Прасквья
С крысой Онуфрием крепко-на-
крепко мне запретили
Норку мою покидать; но я не по-
слушался, в щелку
Выглянул: вижу камнем вы-

стланный двор; освещало
Солнце его, и окна огромного до-
ма светились;
Птицы летали и пели. Глаза у ме-
ня разбежались
Выйти не смея, смотрю я из щел-
ки и вижу, на дальнем
Крае двора зверок усастый, сизая
шкурка,
Розовый нос, зеленые глазки, пу-
шистые уши,
Тихо сидит и за птичками смотрит; а хвостик, как змейка,
Так и виляет. Потом он своею
бархатной лапкой
Начал усастое рыльце себе умы-
вать. Облилося
Радостью сердце мое, и я уж сби-
рался покинуть
Щелку чтоб с милым зверком по-
знакомиться. Вдруг зашумело
Что-то вблизи; оглянувшись, так
я и обмер. Какой-то
Страшный урод ко мне подходил;
широко шагая,
Черные ноги свои подымал он, и
когти кривые
С острыми шпорами были на них;

на уродливой шее
Длинные косы висели змеями; нос
крючковатый;
Под носом трясся какой-то мох-
натый мешок, и как будто
Красный с зубчатой верхушкой
колпак, с головы перегнувшись,
По носу бился, а сзади какие-то
длинные крючья,
Разного цвета, торчали снопом.
Не успел я от страха
В память прийти, как с обоих бо-
ков поднялись у уroda
Словно как парусы, начали хло-
пать, и он, раздвоивши
Острый нос свой, так заорал, что
меня как дубиной
Треснуло. Как прибежал я назад в
подполье, не помню.
Крыса Онуфрий, услышав о том,
что случилось со мною,
Так и ахнул. „Тебя помиловал
бог, - он сказал мне, -
Свечку ты должен поставить
уроду, который так кстати
Криком своим тебя испугал; ведь
это наш добрый
Сторож петух; он горлан и с свои-

ми большой забияка;
Нам же, мышам, он приносит и
пользу: когда закричит он,
Знаем мы все, что проснулись на-
ши враги; а приятель,
Так обольстивший тебя своей ли-
цемерною харей,
Был не иной кто, как наш злодей
записной, объедало
Мурлыка; хорош бы ты был, когда
бы с знакомством
К этому плуту подъехал: тебя б
он порядком погладил
Бархатной лапкой своею; будь же
вперед осторожен“.

Долго рассказывать мне об этом
проклятом Мурлыке;
Каждый день от него у нас недо-
чет. Расскажу я
Только то, что случилось недав-
но. Разнесся в подполье
Слух, что мурлыку повесили. На-
ши лазутчики сами
Видели это глазами своими.
Вскружилось подполье;
Шум, беготня, пискотня, скака-
нье, кувырканье, пляска,-
Словом, мы все одурели, и сам

мой Онуфрий премудрый
С радости так напился, что по-
дрался с царицей и в драке
Хвост у нее откусил, за что был и
высечен больно.

Что же случилось потом? Не раз-
ведавши дела порядком,
Вздумали мы kota погребать, и
надгробное слово

Тотчас поспело. Его сочинил поэт
наш подпольный

Клим, по прозванию Бешеный
Хвост; такое прозвание

Дали ему за то, что, стихи чи-
тая, всегда он

В меру вилял хвостом, и хвост,
как маятник, стука

Все изготовив, отправились мы
на поминки к Мурлыке;

Вылезло множество нас из подпо-
лья; глядим мы, и вправду

Кот Мурлыка в ветчинне висит
на бревне, и повешен

За ноги, мордою вниз; оскалены
зубы; как палка,

Вытянут весь; и спина, и хвост, и
передние лапы

Словно как мерзлые; оба глаза

глядят не моргая.
Все запищали мы хором: „Повешен Мурлыка, повешен
Кот окаянный; довольно ты, кот, погулял; погуляем
Нынче и мы“. И шесть смельчаков тотчас взобрались
Вверх по бревну, чтоб Мурлыкины лапы распутать, но лапы
Сами держались, когтями вцепившись в бревно; а веревки
Не было там никакой, и лишь только к ним прикоснулись
Наши ребята, как вдруг распустились когти, и на пол
Хлопнулся кот, как мешок. Мы все по углам разбежались
В страхе и смотрим, что будет. Мурлыка лежит и не дышит,
Ус не тронется, глаз не моргнет; мертвец, да и только.
Вот, ободрясь, из углов мы к нему подступать понемногу
Начали; кто посмелее, тот дернет за хвост, да и тягу
Даст от него; тот лапкой ему погрозит; тот подразнит
Сзади его языком; а кто еще по-

смелее,
Тот, подкравшись, хвостом в носу
у него пощекочет.
Кот ни с места, как пень. „Береги-
тесь, - тогда нам сказала
Старая мышь Степанида, кото-
рой Мурлыкины когти
Были знакомы (у ней он весь зад
ободрал, и насилу
Как-то она от него уплела), - бере-
гитесь: Мурлыка
Старый мошенник; ведь он висел
без веревки, а это
Знак недобрый; и шкурка цела у
него“. То услыша,
Громко мы все засмеялись. „Смей-
тесь, чтоб после не плакать, -
Мышь Степанида сказала опять, -
а я не товарищ
Вам“. И поспешно, созвав мышеня-
ток своих, убралася
С ними в подполье она. А мы при-
нялись как шальные
Прыгать, скакать и кота тормо-
шить. Наконец, поуставши,
Все мы уселись в кружок перед
мордой его, и поэт наш
Клим по прозвищу Бешеный

Хвост, на Мурлыкино пузо
Взлезши, начал оттуда читать
нам надгробное слово,
Мы же при каждом стихе хохотали.
И вот что прочел он:
„Жил Мурлыка; был Мурлыка кот
сибирский,
Рост богатырский, сизая шкурка,
усы как у турка;
Был он бешен, на краже помешан,
за то и повешен,
Радуйся, наше подполье!..“
Но только успел проповедник
Это слово промолвить, как вдруг
наш покойник очнулся.
Мы бежать... Куда ты! пошла
ужасная травля.
Двадцать из нас осталось на месте;
а раненых втрое
Более было. Тот воротился с ободраным пузом,
Тот без уха, другой с отъеденной мордой;
иному
Хвост был оторван; у многих так
страшно искусаны были
Спины, что шкурки мотались,
как тряпки; царицу Прасковью
Чуть успели в нору уволочь за зад-

ние лапки;
Царь Иринарий спасся с рубцом на
носу; но премудрый
Крыса Онуфрий с Климом-поэтом
достались Мурлыке
Прежде других на обед. Так кон-
чился пир наш бедою».